

16+

Надир Агасиев

В городе Доброго Дня

Надир Агасиев
В городе Доброго Дня

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Агасиев Н. С.

В городе Доброго Дня / Н. С. Агасиев — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

Герой, находясь за границей, неожиданно становится обладателем магического корня мандрагоры. Пытаясь разобраться в сложившейся ситуации, он обращается к своему прошлому, ищет связь с настоящим, которое предопределяет его будущее.

«Это было в те дни, когда я бродил голодный по Христиании, городу, который навсегда накладывает на человека свою печать...»

Кнут ГАМСУН, роман "ГОЛОД"

Мне настолько нравится роман "Голод", что у меня на долгие годы остался соблазн начать так же, как и Кнут Гамсун: «Это было в те дни...» Кнута Гамсуна я верил, раз уж он написал: «это было...» – значит, действительно, было. Но начать так же у меня не получалось, ничто в моей жизни под такое начало не укладывалось. И вот теперь, вспомнив "постулат" Андрея Битова, которому я тоже верю: "Хорошо придумывать то, что было, и невозможно сочинить то, чего не было..." я намеренно, подражая Гамсуна, написал:

...Это сложилось в те дни, когда какое-то время мы с женой жили в Чехии, в небольшом курортном городке на Эльбе – Подебрады, в городе, по которому я подолгу "бродил" бодрым шагом, выбивая из крови сахар, и который назвал про себя городом "Доброго Дня".

И именно в этом Добром городе я встретил однажды на рассвете женщину с пучком соломы в руках, предложившую мне попить пива.

Прочитал вслух, прислушался. Вот только бы верилось, что женщина с пучком соломы была. А она действительно была. Всех называла Фиби, наверное, и меня, и маленькую противную собачку породы такса, которую прямо-таки выхватила из-под носа обнюхивающей ее громадной псины, уложив себе на колени во дворе круглосуточно действующего пивного бара, приговаривая "Фиби, Фиби, Фибушка", принялась восторженно массировать брюхо животного. Ушла в это дело, оставив общение со мной на потом.

"Фибушка!" Уж не русская ли? – Обрадовался я, – оборотилась в чешку, но русская, как же иначе.

И такса казалась мне узнаваемой, точно такая же противная собачонка была у одного моего знакомого, которая регулярно, чуть ли ежеквартально, приносила ему щенят – неплохую надбавку к пенсии. Слегка поднатужившись, эта злочка кривоногая выдавала потомство по пять-шесть кривоногих таксят с установленной на продажу таксой.

"Неужто отпрыск "легких" потуг злобной таксы? До Чехии добрались, до Подебрады... И чего это таксы преследуют меня?"

У друга моего детства Генки была собака схожей масти по кличке Дамка. Она была не такой противной, мы даже пытались снять ее в нашем любительском фильме. До Дамки у Генки была еще одна собака по кличке Шарик, из "дворян", самой распространенной породы. Мы хоронили Шарика с Генкой, закопали под горой, и именно тогда, у бугорка Шарика я произнес свой первый тост: "Прощай, Шарик, ты был хорошей собакой!" – сказал я, выпив первый раз в жизни браги. В фильме Генкина такса должна была переворачивать страницы титров. Но это у нее никак не получалось. Мы злились, я крыл ее чуть ли не матом, хотя был виноват я, а не Дамка.

Женщину эту, но без пучка соломы и солому пучком без женщины мы с женой видели и раньше. Женщина встретилась нам на вокзале. Она стояла на перроне, держа за запястье девочку лет одиннадцати – двенадцати. Ждала, как и мы, поезд на Колин. Меня сразу в ней что-то насторожило, может, то, что она как-то нервно ожидала, а может, и то, что девочку держала за запястье, а не за ладонь. Будто схватила, удерживает насильно.

Девочка рассеянно оглядывалась по сторонам, поймав мой взгляд, вскинула брови. Ей нужен был зритель. Принялась играть в классики. Мы нарисовали с ней мысленно на бетоне классики, она свои, я свои. Она играла, я смотрел. В нарисованных мною классиках она доходила до четвертого класса, настолько должны были позволять их вытянутые руки, возвращалась обратно на исходную позицию.

Я смотрел на женщину, на девочку, на часы, висящие над платформой. До поезда на Колин оставалось еще три минуты. Он придет вовремя, точно по расписанию.

В Подебрады, в минуты тягостной скуки, я, бывало, забредал на вокзал соприкоснуться с великим, посмотреть "Прибытие Поезда".

Эти величественные двухэтажные поезда-красавицы "не пугали", прибывали на вокзал ожидаемыми гостями. Отбыв, оставляли после себя не сразу заполняющуюся пустоту. Вот бы суметь увидеть эту пустоту, отобразить, снять фильм в беззвучном, немом варианте. "Отбытие Поезда". Посвятить какой-нибудь годовщине первого фильма "Прибытие Поезда". Поезд отходит, и все замирает, останавливается на полуслове, в полушаге. Жизнь продолжается в другом измерении, в 24 кадра в секунду ее не отобразить.

Каждый раз в ожидании поезда что-то противное во мне жаждало уличить его в опоздании. Ну что вы все со своим порядком, можно разок и нарушить. Жить по расписанию – это не то, что по писанию. Но поезда не опаздывали. И автобусы в Подебрады всегда приходили вовремя.

Я смотрел на женщину с девочкой, на часы при платформе, на все в округе, впитывал в себя, собираясь вести с собой этот "груз", авось понадобится. Лишним ничего не бывает, даже собственные ощущения, если они уж возникли, значит, пригодятся.

"Запечатлел, словно наколку оставил: женщина в легком цветастом платье, тело много моложе лица".

Я, конечно, мог допустить, чтобы ножки у старушки все еще были ножками, но чтобы при стареющем лице тело все еще оставалось юным... Женщина с ножками и с личиком старческим...

– Платье вон на той женщине, из какой ткани? – спросил я у жены. На чужбине говорить по-русски или по-азербайджански – одно удовольствие, можно не опасаться, что поймут. Хотя однажды, в одном из универмагов, поняли.

– Ой, вы говорите по-русски? – удивилась девочка, поражаясь тому, какой я совсем не русский.

– Да, это мой любимый язык, – сказал я больше для ее мамы, чем для нее самой – русский и еще французский, та chere la fille, дорогая моя девочка...

... – Из шифона, – ответила жена.

"Конечно, из шифона!" – звучало внутри меня, – ... "из чего же еще", но выйти, пробиться из меня не могло, застревало внутри, лишь глаза и улыбка выразили согласие. – Правда!? Я думал из крепдешина, но какое это имеет значение, когда оно из шифона. Крепдешин – прошлое, старье, правда?

Мама моя когда-то давно, еще в моем детстве, подшивала платье из крепдешина у портнихи Тамары. Она примеряла платье в комнате, я ждал ее в саду портнихи. За оградой был "Детский дом". Сквозь частокол забора мелькала девочка в школьной униформе, играющая в классики. Там в "Детском доме" жил Гера, задиристый пацан. Мы с ним однажды прогуливали урок. Он дразнил меня. – Влетит тебе от маменьки, маменькин сыночек. У Геры мамы не было. У него вообще никого не было. Он жил на свете один, детдомовец.

В день, когда хоронили маму, я вдруг почему-то вспомнил Геру: "Влетит от маменьки!.." "Ничего уже, Гера, мне не будет..."

... – Конечно, из шифона, дорогая! Я думал, что из крепдешина, но его, наверное, уже не производят! – вырвалось из меня.

Тогда я еще не знал, что женщина со стареющим лицом и молодым телом через несколько дней встретится мне ранним утром с пучком соломы в руках, предложит попить с ней пива. Прямо так и заявит: "Айда, Фиби, пиво пить!" И через день все соединится воедино, в тщательно подобранную цепочку. Даже пучок соломы найдет объяснение, став отдельным звеном цепи.

...Солому пучком я никогда не видел. А тут вдруг увидел ее, вдетую в ручку входной двери дома, от которого начинался спуск по мощенной булыжником улице. Машины по ней проезжали шуриша.

И у нас когда-то был мощный булыжником участок, он тянулся от филармонии к морю, я помнил это шуришание, мне нравилось слушать его, когда друг отца целую неделю возил меня на своей новенькой "Волге" в глазную больницу. Я, закрыв глаза, слушал шуришание дороги, словно быструю речку в селении "Дашича" в Габале, куда отправил нас с мамой и братьями на отдых отец. Солома в селе имелась. Хранилась целыми стогами. Но не торчала пучком ни в одной калитке села.

– Смотри, – показал я жене, – солому к двери пристроили. Что бы это значило?

У меня уже готово было объяснение: кто-то пришел в гости с букетом соломы, не застал дома, вложил солому в ручку двери. "Кто ходит с соломой по гостям, тот поступает мудро! И еще экономно. Хотя нет, непонятно как..."

– Это рапс, – сказала жена. В растениях она знала толк. И пока пучок соломы на двери не превратился в пучок рапса, я решил его спасти. Солома все же колоритнее будет.

"Но пучок рапса, – решительно заявил я внутри себя, – побудет соломой. Я настаиваю, как открыватель пучка на двери. Ты не против? Солома понятнее, чем какой-то твой рапс.

Жена моя внутри меня не возражала...

–1–

...День, когда лучше бы я ее и не встречал, начался, как и все – с увертюры "Доброго Дня". Она звучала во мне в сопровождении одной лишь фразы: "Добрый Дэ-эн-эн"...

Я шел по Подебрадскому парку к памятнику короля Йиржи Подебрадского на площади перед замком, люди, шедшие мне навстречу, здоровались. "Добрый день!" – говорили они почешски. И это совсем не то, что по-русски, или на каком-то другом славянском языке. Там было более яркое пожелание добра, более мелодичное, оно звенящим "день" зависало в воздухе над аурой парка, постепенно поглощаясь им. Слушалось с упоением.

Вспоминался фильм из детства "Сказки венского леса", где Штраус мчится в карете с женщиной по лесному тракту, ветерок сдувает с плеч женщины легкий шелковый шарфик, он остается на ветке, птицы поют, навевая композитору мелодию "Венского вальса". "Там, трам, трам па – па..." и по мере того, как карета удаляется от шарфика, у композитора складывается мелодия. Я смотрел в детстве этот фильм по телевизору, музыку в щебетании птиц не слышал, больше был озабочен шарфом, изорвет его ветер в ключья.

Я шел быстрым шагом по парку, слушал звенящее "дэ-эн-эн", пытался сложить мелодию утра. Подебрадского утра.

–Нет, Ридан, ты не Штраус! «Ты другой!» —говорил я, насмехаясь над собой.

Риданом я называл себя в море, когда долгими днями оставался в бушующей стихии, предоставленный самому себе, развлекал себя беседами, словно рассказы писал. "Ридан" – это мое имя "Надир" наоборот. И катер с похожим названием "РЕДАН" был у нас в управлении. Скоростной. Начальство на нем в море выходило. Но, бывало, и мы возвращались "РЕДАНОМ" с вахты. Глядя, как "РЕДАН" красиво шел по волнам, я гордился, он был моим. Мы созвучны: "РИДАН и РЕДАН". Да, он почти моим именем назван. Правда, Надир переводилось, как нечто редчайшее, уникальное, не имеющее аналогов. А Редан, – это всего лишь нарост по кромке борта корабля для сдерживания брызг волн. И все же, пока я выходил в море, считал катер "РЕДАН" чуть ли не побратимом своим. Ридан был моей собственной изнанкой, значит, был ближе к моей душе. Сердце замирало, когда этот катер моего имени, с допустимой для меня грамматической ошибкой, шел на скорости прямо на посадочную площадку, резко сбросив скорость, разворачивался, лихо причаливал бортом.

Когда море "выплеснуло" меня на берег, распрощалось со мною – не молод был я уже для морской работы, списали и "РЕДАН". На причале его не было. Я покидал остров по намытой

дамбе, слева от острова, на мели вдруг увидел "РЕДАН". На сером февральском морском ландшафте он выделялся блеклым голубоватым цветом. Посаженный на мель, он покачивался волнами. На его редане, свесив ноги, сидели рыбаки. Мы с "РЕДАН" были списаны.

"Да успокойся ты, господин Ридан – Надир, ну, не музыкант ты, нет слуха! Ты кто такой есть, что "чешскую" музыку хочешь писать? На него посмотри, мелодию "Доброго Дня" запишет он!" Ее, наверное, уже записал Дворжак! У тебя нет слуха, ты вообще глух, дорогой».

О Дворжаке Ридан впервые услышал еще юнцом от дяди своего, Махмуда, или как его все звали Миши.

На кассете звучали скрипки, кассету с кассетным магнитофон привезла из Алжира тетья Ридана, Аделя, где она прожила несколько лет со своим мужем Салехом и сыном Фаиком.

– Ты не знаешь, кто это написал? – спросил Ридан у своего дяди. Ждал ответа, кого назовет дядя, тот для него и будет автором произведения. Ридан даже не чувствовал, как неуместен был его вопрос. Дядя молчал, сидел в дыму астматической папиросы, закрыв глаза. Задышался, но приступ астмы проходил, откашлялся, ему было совсем не до музыки.

– Дворжак, кажется.

Для Ридана имя было свежим, не из обихода привычных имен.

– Он чех. – Дядя был лаконичен, приступ астмы опускался в глубину его легких.

И Ридан запомнил. Хороший композитор у чехов. С самой юности помнил, что был такой композитор Дворжак. Вспомнил о нем, когда Махмуд умер. Он возвращался домой в поезде Москва-Баку. Умер в поезде. Приступ астмы, наверное, задышался, или сердце не выдержало надрывных кашлей. Говорили, кашлял долго. Отвлек бы кто из попутчиков, заговорил бы о чем-нибудь, о музыке, о Дворжаке, об автомобилях.

После скоростной смерти матери Ридан искренне полагал, что скоростную смерть можно заболтать, если заранее прочувствовать ее. "Я бы всем своим скоростно скончавшимся близким безудержно задавал вопросы, – сказал себе Ридан. – Заставил бы думать о насущном, настроил бы организм на жизнь. Главное, знать, что говорить и уметь заинтересовать".

В море, находясь в одиночестве, когда не с кем было даже поговорить, Ридан все задавал себе вопросы, и теперь думал – спасал себя.

Возможно и тогда, когда Махмуд назвал Дворжака, Ридан своим необязательным вопросом запустил механизм жизни дяди на новый виток.

"Замкнутость на себе ведет к скоростной смерти!" – вывел Ридан свой постулат, оглядывая море. Штормило, ветер еще не стих. Значит, и завтра не будет смены, завтра откат, волны будут успокаиваться внизу, под водой. Предстоит еще два дня одиночества, не будет дома, жены, детей.

Мне хотелось ответить так же: "Добрый Дэ-эн-эн", растянув мягко "н", но я боялся что-то нарушить в этой мелодии, пустить петуха. "Ты глух, нет у тебя слуха". Но слух у меня был, только внутренний, запрятанный в душу, выбраться, не исказившись, не мог. Не получалось у меня так же мелодично, достойно ответить на пожелания "Доброго Дня", я лишь кивал в знак согласия: "Да, господа, – мысленно говорил я, – день, и вправду, обещает быть добрым!"

Я шел быстрым шагом, выгоняя из себя сахар, навстречу потоку, спешащему ранним утром на привокзальную площадь на поезда и автобусы, слушал пожелания доброго дня и специально подбирал свой маршрут, чтобы попасть в гущу потока, в самый ее пик. Пожелания доброго дня относились именно ко мне, потому как шел навстречу толпе, нас, шедших в этом направлении, было не много, желали доброго дня именно нам, попутчику ведь не всегда станут говорить: "Добрый Дэ-эн-эн!" Попутчик идет себе, да и идет, чего его отвлекать пожеланиями.

Эта мелодия в исполнении подебрадчан, являлась увертюрой к каждому дню, проживающему в Чехии, звучала во мне протяжным напевом, поднимала над самым собой и над тол-

пой. "Увертюра", звучащая во мне, стояла того, чтобы проснуться до рассвета. Она включала в себя и момент пробуждения, когда я, крадучись, дабы не будить жену, выходил из номера гостиницы. В этом месте звучание должно быть вкрадчивым, кротким, если, конечно, я сумею когда-нибудь ее передать. Включало в себя и то, что смотрел на электронные часы у входа в гостиницу. Ритм чуточку меняется, вздрагивает. Шесть утра! Успокаивается. "Утро красит нежным светом..." Также включало и то, что солнца еще не было, оно вот-вот появится из-за памятника Йиржи Подебрадскому, первому королю чехов. И через некоторое время будет освещать и памятник Томаша Масарика – первого президента Чехии. Я видел символику в том, что солнце поднималось за памятником первому королю Чехии. Не самых «высоких» кровей, по сути, простолюдин, волевой и храбрый, умеющий всех примирить Йиржи, встав на престол, пообещал не передавать трон по наследству.

–2–

Женщину с пучком соломы я встретил недалеко от памятника. Солнце уже висело над памятником, и вся площадь, мощенная булыжником, светилась под его лучами.

Она стояла будто бы в раздумье; переходить ли площадь? Была молода телом и старовата лицом, тщательно скрытыми морщинами, явной печатью тревожащей ее старости. Молодость тела, словно ретушировала, сглаживала старость ее лица.

Я прошел мимо, не понял, что меня вдруг остановило, заставило оглянуться; слово непонятное "Фиби", или яркий, лучистый взгляд ее старушечьих глаз, пролившийся явно откуда-то из моей молодости.

Оглянулся, узнал. Женщина с вокзала.

– Ба-хо, таньш сифятляр, знакомые лица, – подумал я на азербайджанский манер и несколько развязано. – "Добрый Дэ-эн-эн", – чешскую мелодию внутри себя я не испортил.

Она остановила меня взглядом, словно набросив аркан, притянула. Мне казалось, что я ушел от нее достаточно далеко, повернулся – она рядом, всего лишь в двух шагах. Взгляд ее прожег и, тысячу раз взвесив меня, потух.

– Фиби, подсоби женщине туфельки снять!

Услышал только "Фиби", остальное само собой подразумевалось. Положив мне руку на плечо, оперлась, наклонилась, другой рукой стала снимать с себя туфли на высоком каблуке. Я слышал запах соломы в ее руке на моем плече. Просушенный, набравший солнца, он успел вобрать в себя и немного утренней сырости. И сейчас пучку соломы подошло бы немедленно, но ненадолго стать пучком рапса. Жена права – это рапс. Жена еще спит. Чего ей вставать спозаранку, это у меня сахар в крови, это мне бродить по городу. Ничего предосудительного я не совершаю. Бабе Яге подсобляю. Хотя после того, как она сняла обувь и стояла передо мной хрупкая, босая, ногти ухожены, покрашены, я не был уверен, что она бабка и что Яга.

– Айда, Фиби, пиво пить!

"Пиво!" – пароль души юности моей был раскрыт. Конечно, пойдем, ради пива мы когда-то давным-давно готовы были даже поехать на зыхский пивоваренный завод, чтобы попить зеленоватого, нефильтованного пива. А сейчас, в Чехии, что и пива не попить? Особенно если оно "Козел". "Козел" нравился мне больше остальных сортов. Мне пересказывали рекламный ролик пива "Козел". Толстяк все пьет да пьет, и у козла рога отваливаются, он все хорошеет и хорошеет. Может, даже в девушку превращается, не помню, так ли в ролике, но я бы снял именно так. Но главное, что рога отпадают.

"Девушка-старушка" пошла босая через мощенную булыжником площадь, размахивая теперь уже рапсом в руках и туфлями на шпильках. В такой обуви по булыжнику не пройти. Я шел за ней в паре шагов поодаль, позволяя ей вести себя. Сверху на нас смотрел Йиржи Подебрадский на коне. Я подумал, что он за меня немножко беспокоится. Гость, как никак.

Пиво ранним утром; "это было недавно... это было давно..." – лет сорок назад. Каким обратительным, но все же живительным был глоток уже задохнувшегося пива ранним

утром в общаге литинститута, когда, проснувшись, шаршишь взглядом по столу в поисках остатков чехословацкого пива "Шарши". Его вчера еще было навалом. Оглядываешь комнату. Курбан, сокурсник из Дагестана, спит, но он якобы спит, делает вид, а Гришика, наш с Курбаном друг, драматург и театральный актер, спит, этот точно спит. Вчера читал нам свою переработанную пьесу, пива "Шарши" привез из ЦДЛ. Курбан лежит тяжело. Ему тоже хочется пива, но он терпит, оставляет нам с Гришкой. Такова его природа, заботится о других. И имя у него такое, Курбан – жертва. Готов жертвовать собою. Я знаю, ему жутко как хочется пива, потому выбираю недопитую бутылку, где пива поменьше. Я тоже не лишен благородных чувств. Лучшее оставляю друзьям. Сделал глоток, серое небо за окном и Останкинская башня, возвращают в реальность, говорят о том, что мы в Москве, и только потом, что пьеса Гришке опять не удалась. Не надо Соне бросаться из окна. Начитался трагедий, Катерина, "Луч света в темном царстве". Нет темного царства, Григорий, есть жизнь. Чешское пиво утром! Да это же хорошо!

Оно было хорошо, и на Волге, когда мы с моим другом детства Рамисом шли по ней на теплоходе "ИЛЬИЧ". "ИЛЬИЧ" шел за "ЛЕНИНОМ" Так, наверное, было заложено решением в верхах. И во взгляде сверху на Волгу этому тандему не помешал бы еще и третий теплоход "ВЛАДИМИР". Так бы красиво они и шли бы "ЛЕНИН" "ВЛАДИМИР" "ИЛЬИЧ". Но такого теплохода "ВЛАДИМИР" в те годы не было. Был наш "ИЛЬИЧ", арендуемый для бакинцев бакинским турагентством, и "ЛЕНИН", тоже везший очень хороших людей. "ЛЕНИН" был больше нашего, трехпалубный белый красавец, на нем можно было купить все. Он шел впереди и первым приходил на стоянку, загружался товаром, и когда через пару часов к нему пришвартовывался наш, на "ЛЕНИНЕ" уже можно было купить пиво. Я просыпался с лязгом ишвартовых, спешил за пивом. Утром чешское пиво? Только на "ЛЕНИНЕ"!

Я покупал пиво, и каждый раз вспоминал, как у меня началось с ним. Забрел на станцию на Разина, не сиделось, ушел с занятий в техникуме. Я тысячу раз проходил мимо этого пивного ларька, а тут вдруг остановился. Продавец смотрел на меня и улыбался, искуситель. Он чувствовал, что я сейчас захочу пива, что брожу бесцельно, не нахожу себе места. У меня все время мысли, что мама умерла. Усики продавца тонкие с проседью, не мой это человек, пива выпью, но сюда больше ни ногой.

– Пиво свежее?

– Свежее! Налить? Гвардейское или пионерское?

– А это как?

– Гвардейское – до краев!

– Гвардейское, только стакан.

– 11 копеек, – он понимающе улыбнулся, запрограммировал меня на пиво. Я ему больше был не интересен.

Пиво на круизном теплоходе "Ильич" всегда могло быть кстати. Особенно когда они с Рамисом слегка небритые (бороду решили держать) выходили на палубу, разом все охватывая, и палубу, и крутой зеленый берег в Куйбышеве, и скамейки на пристани. Где-то там должна находиться Элеонора Федоровна, соплячка, чтобы называть ее по отчеству, но она требовала. "Элеонора Федоровна я!"

"Ага, Элеонора с "ЛЕНИНА". Меня в таком случае прошу считать кинорежиссером. Я снял пару фильмов, правда, любительских на восьмимиллиметровую пленку, но снял ведь".

Конечно, для кинорежиссеров мы с Рамисом тоже были сопляки, хоть и ходили с кинокамерой. Но в перспективе вполне могли ими быть, надо было только очень хотеть.

"Так что, Эллочка, все у нас с тобой в перспективе. Ты Федоровной станешь в перспективе, мы режиссерами, Рамис театра, он играет в народном театре, я кино... Сниму трактат о твоих пятючках. У нас пиво чешское, айда к нам в каюту. Она в четвертом классе, на самом дне, в иллюминатор к нам Волга просится..."

Если тебя еще тянет по утрам пивка попить, ты с перспективой!

Чего я за ней поплелся, мне ли утром пиво пить? Она шла по мостовой походкой легкою. Стопочки годами не натружены, походка легкая, пружинящая, пяточки узкие, как у Элеоноры Федоровны с круизного теплохода "ЛЕНИН" в Куйбышеве. Мне ль за ней идти, за этой "Ягой – НеЯгой".

Она обернулась в пол-оборота, бросила взгляд на меня, как пристегнула. Я пошел за ней живее, без колебаний. Догадался, куда она ведет меня. Не далее, как вчера, под вечер мы заходили в этот бар с женой. Широченные, как в гараже, ворота позволяли бару соединиться с двором, тянувшимся до самой Эльбы. Во дворе стояли дубовые обшарпанные столы, оставшиеся, по всей видимости, еще со времен Подебрадского. Двор заканчивался обрывом, где внизу шуршала Эльба. Самой реки не было видно. О том, что Эльба была рядом, говорили мачты, да капитанские рубки небольших суденышек, изредка проходящих вдоль бара. Мы пришли с женой сюда целенаправленно, красного пивка с икрой попить. Красным пивом нас заинтриговала супружеская пара из Израиля. "Ой, как там интересно, пиво красное с раками и икрой, молодежь, песни!"

Это был, скорее, трактир, чем бар. Молодежь, действительно, была, пиво на столы подавалось вместе с подставками "КОЗЕЛ". Что было беречь столы подставками под кружки, если они не новы? Подставки здесь были явно лишними. Впрочем, таковы видимо были требования бренда. Красным в бокалах оказался сладкий напиток. Так что красное пиво мы не увидели.

Во всем баре и во дворе звучало непонятно откуда лившееся роковое пение. "Па, пара, па, пара, парам па парам па". Я именно так и слышал, и мелодию не улавливал. Зато сразу же почувствовал реку, когда левым бортом вдоль забора прошло большое судно. Эльба вспомнилась песней: "Кто вас на Эльбе обнимал..." Я обнял жену. "Я вас на Эльбе обнимал!" – ответил песне, невпопад для жены. "Валим отсюда, – предложил я жене на блатной вариант, карачурское детство со мной не прощалось, – нет здесь красного пива. А икра – она и у нас есть". Лучшая ведь в мире икра наша, каспийская, если не сказать, что азербайджанская.

...Она выбрала столик во дворе, у входа в зал. Лихо забросила под стол туфли, схватила за "шкирку" таксу. "Фи-и-би!" Какая-то мелодичность в этом восклицании была, но в мою увертюру не вписывалась. Пучок с соломой она положила на стол, при этом озорно стрельнула в меня взглядом.

"Чё те надобно, старче?" – Я, уже решил для себя, что все это мне не нравится и что-то менять в своем решении не хотелось. Вспомнилась наша с женой знакомая Наталья. Она в Подебрады руководила экскурсионной фирмой.

"В Чехии еще можно встретить ведьм в лесах, не искорененных средневековьем! Ведьмы – они еще есть здесь!" Не думаю, что Наталья нас пугала, просто во всем исполняла свой профессиональный долг экскурсовода, рассказывала, что знает и чему верит.

"Нет, Наташа, великолепная ты наша, какие еще ведьмы. Не ведьма она, милая девушка-старушка. Лицо все милее и милее, только желтизну убрать." Я осмотрелся, там дальше, ближе к реке, за столиком сидела женщина с девочкой-школьницей. "На Наташу очень похожа, блондинка. С дочерью, наверное.»

...– Какое пиво? Темное, светлое? – официант молод и строен, с козлиной бородкой, вариация рекламы на тему пива "Козел". Голоса его не было слышно, и слова не произнес. Все и так было понятно.

– Светлое!

– Русский? – спросил молча официант, имея в виду, что советский. О, как я ему был не интересен! Как он был брезглив!

– Можно и так сказать, азербайджанец, – промолчал я. Захочет, услышит. Я не могу сказать, что был охвачен буйством гнева, но какое-то сопротивление поднималось во мне, когда

сталкивался я со снобистским отношением к себе и ко всему тому, чем мы жили когда-то. Вспоминались уроки моего брата по каратэ. Я делал глубокий вдох, задерживал дыхание, медленно выпускал воздух, разгружался. – Да, вот что, сам козел! – Мне стало смешно, конечно, козел. И ничего, не обзываюсь. Вырядился в козла, кто же ты тогда еще! Чяпиш (козленок) не е, не козленок, козел ты и есть козел, озюда, екясиннян (к тому же натуральный). Я перешел на молчание на азербайджанском.

Женщина хотя и была увлечена собакой, но и меня не упускала из виду, периферическим взглядом посматривала на меня и на пучок соломы в центре стола.

"Что я здесь делаю? Какое пиво с утра? Ведь нет литинститутского похмелья, и не будет уже никогда. Какой еще теплоход "ЛЕНИН"? Уходить надо, пока ты не стал ФИБИ... Испугался? Ну, старушка непонятная, ну, официант с бородкой, и что? Теперь пиво по утрам не пить!?"

Такое общение то ли полу-утробное с междометиями, то ли полу-телепатическое у Ридана Веисаги было дважды. С одним немым мужиком из Эстонии. Давно это было, когда был еще молодым. Потом еще, но уже гораздо позже, когда Ридан сам и был мужем, отцом семейства, с соседским мальчишкой немым, но выучившимся понимать и объясняться...

...С глухонемым эстонцем, мужиком крестьянского вида, Ридан схлестнулся в пионерском лагере. Из-за девушки, старшей пионервожатой. Веисаге Ридану она нравилась, но только с наступлением темноты, когда "над лагерем ночь опускалась". Красивая по всем параметрам девушка, в светлое время суток, как только из-за инжирных посадок дальних дачных садов поднималось солнце, Веисага напрочь забывал про старшую пионервожатую. Видеть ее не хотел, востроглазая, востроногая, коленки острые торчат.

Глухонемому эстонцу, верзиле, числившемуся в лагере то ли пионером, то ли садовником, ездившему на байке она нравилась во все времена суток. Он мог издали часами смотреть на нее, как она ходила по территории лагеря, из отряда в отряд. К мальшине, в отряд Веисаге, попеть песню "Октябрята смелые спросили напрямик" приходила охотнее всего. "В-ина, улыбнись! В-ина, улыбнись!" – кричали хором мальшии Ридана Веисаги по просьбе Веисаги, и старшая пионервожатая, заливаясь смехом, спев с мальшиами песню, неохотно уходила.

– Мы пока еще не пионеры, – кричал ей вдогонку Веисага, – октябрята мы, старшие пионервожатые не наш уровень.

"Над лагерем ночь опустилась, лагерю спать пора. Всем, всем спокойной ночи, а мне приятного сна!" Зловеще звучала эта лагерная речовка в самом деле в наступившей темноте. Настораживала. Старшая пионервожатая вместе с начальницей пионерлагеря стояли на трибуне, на вечерней линейке. Эту лагерную речовку они придумали вместе. Получилось весьма впечатляюще. С этой лагерной мантры у Веисаги начинал побуждаться интерес. Он смотрел на старшую пионервожатую. "Ну острый носик, и что!?" Только бы начальница... Э-ра С-вна, ведущий специалист интерната для глухонемых, умело руководила детьми. Не один год, на летний период устраивалась начальником в пионерский лагерь "Ласточка", где обильный песок был очень полезен для ее больных ног. И эстонца, которого обучала понимать и говорить, взяла с собою на лето. Что бедолаге было тратиться на дорогу, уезжать? Проведет лето в лагере, зато к зиме станет говорить. Если бы она с самого начала знала, как не понравился Эстонцу Веисага, она не стала бы рисковать, брать Ридана на работу.

"Над лагерем ночь опустилась... – Кричала в рупор старшая пионервожатая, как запеваля, лагерь подхватывал, – лагерю спать пора..." Мантра действовала. Ридан все больше и больше проникался тягой к товарищу В-ине. Старшей пионервожатой он ее уже не считал. Он терпеливо ждал, когда лагерь уляжется спать, они пойдут со старшой кататься на качелях. Потом он, подняв старшую на руки, побежит с ней по песку в футбольные ворота лагерного стадиона. Забежит с нею в ворота, закричит ей в самое ухо шепотом "Гол!"

Они будут лежать на песке, сверху через сетку футбольных ворот над ними будет высокое звездное небо в клеточку. В Мардакяны небо всегда с огромными звездами. Потом украдкой, по очереди пойдут обмыться в крохотную душевую кабинку. И от избытка чувств Ридану захочется затащить ее в красный уголок и сыграть на пианино "К Элизе" Бетховена. Веисага Ридан знал, на какие клавиши надо нажимать, выучил с помощью друга детства... Ридан заучивал "К Элизе" для своей будущей жены. Не имея слуха, почти "Бетховен" в старости, это было трудно, но он знал, что обязательно разучит. Он еще сыграет вместо Мендельсона Бетховена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.